

– Я хорошо знаю, – сказала Парламента, – что все мы нуждаемся в милости господней, ибо все мы грешны перед богом. Только наши грехи не приходится сравнивать с вашими. Ведь если грешить нас заставляет тщеславие, то никто, кроме нас, от этого не страдает, и ни на тело наше, ни на руки не налипает никакой грязи, для вас же главное удовольствие в том, чтобы обесчестить женщину, как и главная доблесть ваша – в том, чтобы убивать людей на войне. И то и другое противно божескому закону.

– Я готов согласиться с тем, что вы говорите, – сказал Жебюрон, – но ведь господь говорит иначе: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, прелюбодействует в сердце своем, и всякий ненавидящий ближнего своего – человекоубийца!»³³⁸ Так неужели, по-вашему, женщины никогда не смотрят с вожделением на мужчин, и ненависть им чужда?

– Господь, который судит сердце человеческое, – сказала Лонгарина, – вынесет свой приговор; но важно, чтобы людям не в чем было нас обвинить, ибо господь столь милостив, что человека, согрешившего только в мыслях, он не осудит. К тому же он хорошо знает, как все мы слабы, и поэтому возлюбит нас еще больше, если мы не поддадимся своей слабости.

– Прошу вас, – взмолился Сафредан, – прекратите эти споры, все это больше похоже на проповедь, чем на рассказ. Я передаю сейчас слово Эннасюите и прошу ее непременно нас чем-нибудь рассмешить.

– Я и в самом деле намереваюсь это сделать, – сказала Эннасюита, – но должна признаться вам, что, в то время как я шла сюда, думая о приготовленной мною истории, мне вдруг рассказали о двух слугах одной принцессы. Это было так забавно, что я все время хохотала и совсем позабыла про свою жалостную историю, которую Думается мне, я отложу теперь на завтрашний день, а то сейчас мне никак не удержаться от смеха, и я способна только испортить этот грустный рассказ.

Новелла двадцать седьмая

Некий секретарь преследовал своими бесчестными и постыдными домогательствами жену своего товарища, у которого он гостил, и видя, что она охотно слушает его признания, решил, что сердце ее покорено. Но женщина эта была весьма добродетельна и, обманув его ожидания, рассказала обо всем мужу.

Один из слуг упомянутой принцессы,³³⁹ ее камердинер, жил в городе Амбуазе. Это был человек очень благонравный, и он радушно принимал у себя всех, кто приезжал к нему в гости, – приезжали же главным образом его приятели. Однажды к нему явился один из секретарей принцессы и провел у него дней десять – двенадцать. Секретарь этот был такой урод, что наружностью своей больше походил на короля людоедов, чем на доброго христианина. И хотя хозяин принял его как брата и друга, он оплатил ему за все его радушие такой низостью, какой можно было ждать лишь от человека, в котором нет и не было никакой порядочности: он стал преследовать своими непристойными домогательствами его жену, которая менее всего склонна была искать подобных утех, ибо добродетель этой женщины не знала себе равной во всем городе. И когда намерения секретаря перестали быть для нее тайной, она решила, что лучше ответить ему притворною благосклонностью и потом уже вывести его на чистую воду, чем отвергнуть его сразу, ибо тогда никто не узнал бы о его низости. А секретарь, полагая, что сердце этой женщины уже принадлежит ему, и позабыв, что ей пятьдесят лет и что она никогда не была красивой – не говоря уже о том, что в обществе она пользуется репутацией женщины положительной и любящей своего мужа, – продолжал упорно ее преследовать.

И вот однажды, когда муж ее был дома, а она и секретарь сидели в столовой, она сказала, что согласна увидеться с ним где-нибудь в укромном уголке, и тут же добавила, что лучше всего было бы пойти на чердак. Сама она при этом поднялась с места и попросила его идти вперед, сказав, что последует за ним. На обезьяньем лице секретаря изобразилась радость, и он стал тихонько взби-

³³⁸ Соединение двух евангельских изречений: первое – Ев. от Матф. (V, 28), второе – Первое послание Иоанна (III, 15).

³³⁹ То есть самой Маргариты.